

М. К. Каракулова (Глазов)

Категория вида в удмуртском языке

В русском языке категория совершенного/несовершенного вида в качестве морфологического ядра вместе с периферийными компонентами (способами действия, а также лексическими и синтаксическими показателями протекания действия) образуют особую функционально-синтаксическую характеристику – аспектуальность, объединяющую различные средства выражения протекания действия в широком смысле (Бондарко, Буланин 1967: 50–61).

Известно, что глаголы в финно-угорских языках противопоставляются не по совершенности/несовершенности действия, а по способу протекания действия, т. к. указывается каким образом и при каких сопутствующих обстоятельствах протекает действие (Чхаидзе 1961: 53; ОФУЯ 1974: 359). Таким образом, в них “видовые моменты ориентированы в основном на количественную сторону действия” (Бубрих 1949: 155). Этой точки зрения придерживается Э. С. Ипполитова (1954: 3) и в отношении мордовских языков.

В удмуртском языке в основе аспектуальной характеристики глагола лежит не совершенный/несовершенный вид, как в русском языке, не способы действия, а кратность (Алатырев 1983: 581). Это свойственно и другим финно-угорским языкам: “...основным значением видовых образований в финно-угорских языках является кратность и степень длительности действия” (Ипполитова 1954: 5; см. также: Серебренников 1972: 14).

Самое заметное место в видовой системе удмуртского глагола занимает многократность. Многократные глаголы образуются практически от всех глаголов. Э. С. Ипполитова подчеркивает столь же большое место многократности и в мордовских языках, в которых, как она утверждает, “...существует один многократный вид” (Ипполитова 1954: 22). Многократные глаголы выражают действие, совершающееся в несколько приемов, несколько раз, и

передаются специальными суффиксами: *-ыл* и *-ля*, например: *кутылыны* 'ловить', *кышкалляны* 'бояться' и т. д. При этом надо учитывать, что русские переводы не эквивалентны удмуртским глаголам с подчеркнутой многократностью.

Многократные глаголы противопоставляются немногочисленным глаголам, весьма неоднородным между собой, которые можно условно разделить на несколько групп: глаголы нейтральные (или неопределенные, или немаркированные в отношении вида), однократные, а также, по терминологии В. И. Алатырева, некрратные и кратные.

Глаголы с немаркированной кратностью не имеют специальных суффиксов, ими могут быть глаголы как на *-(ы)ны*, так и на *-(а)ны*, но образованные от разных корней, например: *сиыны* 'есть', *уляны* 'гнать'. Как и от всех глаголов, от немаркированных образуются многократные глаголы, например: *буяны* 'красить' (немаркированный) – *буяляны* (многократный); *изыны* 'спать' (немаркированный) – *изылыны* (многократный); *тодыны* 'знать' (немаркированный) – *тодылыны* (многократный).

Группу кратных и группу некрратных глаголов можно выделить только в противопоставлении друг к другу, т. е. тогда, когда один и тот же глагольный корень употребляется в двух формах: на *-ыны* – некрратные (*кожыны* 'свернуть', *тубыны* 'подняться') и на *-аны* (*җ-яны*) – кратные (*кожаны* 'сворачивать', *тубаны* 'подниматься').

По мнению Б. А. Серебренникова (1963: 321–322), увеличению таких пар глаголов в удмуртском языке (некрратных и кратных) способствовало стремление передать виды русского глагола, ибо, как правило, пара по кратности/некрратности переводится видовой парой. Но в основе деления на кратные и некрратные лежит совсем другой признак, нежели глаголов совершенного и несовершенного вида.

И от кратных глаголов, и от некрратных образуются многократные глаголы, например: *кӧлылыны*, *потылыны*, *тубылыны* (от некрратных *кӧлыны* 'спать, переночевать', *потыны* 'выйти', *тубыны* 'подняться') и *кӧлалляны*, *поталляны*, *тубалляны* (от кратных *кӧланы* 'ночевать', *потаны* 'выходить', *тубаны* 'подниматься').

Из немногочисленных глаголов более других выделяется группа однократных глаголов – и по выражаемому значению, и по харак-

терным для этой группы глаголов суффиксам: *-ӓ-, -лт-, -ьшит-, -т-*, напр.: *шонтыны, зырӓны, вamyштыны*. Однократные глаголы имеют соотносительные пары с глаголами на *-аны*, реже на *-яны*, которые в паре с однократными начинают иметь значение кратности, напоминая пару глаголов некратного с кратным. Например: *сяӓыны* 'плюнуть' (однократный) – *сяланы* 'плевать' (кратный); *кокчалтыны* 'клюнуть' (однократный) – *кокчаны* 'клевать' (кратный).

От однократных глаголов образуются многократные глаголы.

Итак, для удмуртского языка свойственна характеристика глагольного действия с количественной стороны. Значение же подчеркнутой многократности в удмуртском языке свойственно всей глагольной системе, в том числе причастиям и деепричастиям (*бу-яллясь, кышкаллясь*). Для выражения значения многократности имеются специальные суффиксы. Следовательно, данную категорию можно рассматривать как грамматическую и выделять в удмуртском языке многократный и немногочисленный вид, ибо "для грамматиста, констатирующего наличие в языке грамматического вида, должно быть совершенно безразлично, что в данном случае грамматикализуется – подвергается ли грамматикализации выражение совершенности или несовершенности или другие видовые характеристики, например, многократность, маломерность и т. д." (Серебренников 1960: 25). (Например, некоторые исследователи считают возможным возвести многократность в ранг грамматического вида в чешском и словацком языках (см. об этом: Маслов 1958: 12.)

Глаголы немногочисленные имеют различные видовые оттенки, что зависит от наличия/отсутствия соотносительных пар.

Таким образом, глаголы удмуртского языка, не имеющие соотносительных пар (кроме многократных), остаются нейтральными по отношению к кратности, т. е. немаркированными. Такие глаголы с формальной стороны могут быть как на *-ыны*, так и на *-аны*, и в этом случае *-ыны* и *-аны* являются показателями спряжения.

Если же один глагольный корень имеет соотносительные формы на *-ыны* и *-аны*, то I форма по значению будет некратной (*пырыны*), а II – кратной (*пыраны*), за исключением тех случаев, когда формы на *-ыны* и *-аны* приобретают собственное, отличное

от другой формы значение, например: *кутыны* 'поймать' и *кутаны* 'плести', *тугыны* 'бить шерсть' и *туганы* 'лохматить', *нюлыны* 'лизать' и *нюланы* 'потеть'. В примерах такого типа глаголы не являются парой по кратности/некратности.

Если глаголы на *-ы-ны* или *-а-ны* имеют соотносительную пару с однократными глаголами, то первые перестают быть нейтральными, они становятся кратными при противопоставлении однократным, например: *вамышъяны* 'шагать' – кратный, так как *вамыштыны* 'шагнуть' – однократный. Исключением являются те случаи, когда соотносительные глаголы расходятся в значениях, например: *уыны* 'жить', *улзыны* 'воскреснуть, ожить', которые не являются парой по кратности/однократности. Некоторые кратные глаголы имеют по две формы однократных глаголов, например: *шонаны* 'махать' – кратный, *шонтыны* и *шоналтыны* – однократные. Причем от всех трех форм образуются многократные глаголы: *шоналляны*, *шонтылыны*, *шоналтылыны*.

Лишь очень немногие глаголы имеют три соотносительные формы: кратную, некратную и однократную (*лобыны* 'лететь', *зырыны* 'намазать' – некратные, *лобаны*, *зыраны* – кратные, *лобзыны*, *зырзыны* – однократные). От всех трех форм образуются многократные глаголы: *лобылыны*, *лобалляны*, *лобзылыны*.

Таким образом, в удмуртском языке имеется грамматическая категория многократного и немногократного вида, так как эти виды удовлетворяют двум обязательным условиям грамматической категории (см. Серебренников 1960: 25): 1) иметь обязательную форму выражения (суффиксы *-ыл*, *-ля* для многократного и отсутствие таковых для немногократного вида); 2) тотальный характер распространения форм выражения грамматического вида (от любого немногократного глагола образуется многократный, тем самым составляются соотносительные видовые пары, соотносительность которых проявляется в том, что глаголы обладают одинаковым лексическим значением и связаны друг с другом по образованию, различаясь только по виду). Встречаются, однако, многократные глаголы одновидовые, например, *бералляны*, *чепылляны* (соотв.: 'перевертывать', 'щипать'). Такие глаголы не имеют ни многократной пары, существующие же однокоренные кратный-однократные глаголы образуют другую пару по многократности.

берыкъяны – берыкъяляны, берыктыны – берыктылыны, бералтыны – бералтылыны; чепыльтыны – чепыльтылыны.

Внутри многократного вида есть подвиды, характеризующиеся оттенками видовых значений и не обладающие специальными суффиксами. Эти значения проявляются лишь при наличии соотносительного глагола. Исключение составляют однократные глаголы, имеющие специальные суффиксы. Но в отличие от многократных суффиксов суффиксы *-э-, -т-, -лт-, -шт-* далеко не обязательно свидетельствуют об однократном значении, так как существует множество глаголов с омонимичными однократным суффиксами, например: *бунзыны* 'измочалиться', *напзыны* 'загустеть', *сылалтыны* 'засолить', *амалтыны* 'сообразить' (см.: ОСУЯ 1992). Кроме того, выделяется группа однократных глаголов без соотносительной пары внутри многократных глаголов, например, *мекалтыны* 'опрокинуть', *чепыльтыны* 'ущипнуть'. Но нужно иметь в виду, что они имеют соотносительную многократную пару (*мекалтылыны, чепыльтылыны*). Большинство же однократных глаголов, как правило, соотносится с кратными (*могзыны – маганы, куёктыны – куёкъяны, коралтыны – кораны*). Итак, всю видовую систему удмуртского глагола можно представить в таблице-схеме (см. с. 50).

Однако необходимо установить, в каком соотношении находятся многократный и многократный вид в удмуртском языке с совершенным и несовершенным видом в русском языке.

Многократные глаголы всегда соответствуют русским глаголам несовершенного вида, нейтральные – глаголам и совершенного, и несовершенного вида. В паре некратного и кратного глаголов первые соответствуют совершенному виду, а вторые – несовершенному. В паре кратного и однократного глаголов первые соответствуют несовершенному виду, вторые – совершенному.

Сами удмуртские глаголы, как вообще глаголы в финно-угорских языках, нейтральны в выражении вида (в значении, принятом в русистике, т. е. совершенного и несовершенного вида) (Алатырев 1959: 169; Чхайдзе 1961: 53). Именно поэтому в "Русско-удмурт-

ском словаре” (1956) приводятся совершенно одинаковые переводы членов русской видовой пары; например:

мерить несов. <i>мертаны</i>	измерить сов. <i>мертаны</i>
смешить несов. <i>серекья-тыны, серемез поттыны</i>	насмешить сов. <i>серекья-тыны, серемез поттыны</i>
нищать несов. <i>куанермыны, начармыны</i>	обнищать несов. <i>куанермыны, начармыны</i>

В зависимости от контекста они могут выражать значения русского глагола как совершенного, так и несовершенного вида. Например, *Туала вакыт трос адямиос куанермо. 'В настоящее время многие люди нищают' (несов.) и Война ёожэ вань хозяйстваос куанермизы. 'За период войны все хозяйства обнищали' (сов.)*.

Тот же словарь справедливо отмечает и другой способ передачи совершенного вида русского глагола, а именно, спаренными глаголами со вспомогательным компонентом *быдтыны* 'кончить':

строить несов. <i>лэсьтыны, кылдытыны</i>	построить сов. <i>лэсьтыса быдтыны, лэсьтыны</i>
пить несов. <i>юыны</i>	выпить сов. <i>юыны, юыса быдтыны</i>

Можно пронаблюдать такую закономерность: для выражения значения совершенного вида могут применяться спаренные глаголы с финитно-глагольным компонентом от предельных глаголов, например: *куштыны* 'бросить', *лэзыны* 'пустить' и т. д. (*эктыса куштыны* 'сплясать', *сялзыса лэзыны* 'сплунуть'), а для выражения значения несовершенного вида – спаренные глаголы с финитно-глагольным компонентом от непредельных глаголов, например: *улыны* 'жить', *возыны* 'держат' и т. д. (*висыса улыны* 'болеть, хворать', *сюдыса возыны* 'кормить, содержать').

Примечательно, что спаренные глаголы – не обязательное и не единственное средство для выражения видовых значений русского языка. Даже при наличии спаренных глаголов один и тот же одиночный глагол в удмуртском языке может выражать значение и

совершенного, и несовершенного вида, что наглядно отражено в словаре.

Значение совершенного вида русского глагола можно передавать в удмуртском языке и другими средствами, в частности, при помощи дополнительных слов, например, *быдэсак* 'целиком', *пумозяз* 'до конца' (*построить* 'быдэсак лэсьтыны' или 'пумозяз лэсьтыны'), что тоже не противоречит возможности одного и того же глагола выражать значение и совершенного, и несовершенного вида.

Это самое общее, что можно сказать о соотношении совершенного и несовершенного вида в русском языке и многократного и немногочисленного вида в удмуртском языке. Вопросы передачи специфики русских видов на удмуртском языке составляют самостоятельный и сложный предмет и заслуживают отдельного и тщательного изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алатырев В. И. О некоторых способах выражения категории вида в удмуртском языке // Вопросы удмуртского языкознания. – Т. 1. Ижевск, 1959. С. 164–203.

Алатырев В. И. Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь. М.: Русский язык, 1983. С. 563–591.

Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л.: Просвещение, 1967. 192 с.

Бубрих Д. В. Грамматика литературного коми языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. 201 с.

Ипполитова Э. С. Образование глаголов видовой направленности в мордовских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1954. 22 с.

Маслов Ю. С. Роль так называемой перфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. М., 1958. 39 с.

ОСУЯ 1992 – Насибуллин Р. Ш., Дудоров В. Ю. Обратный словарь удмуртского языка. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1992. 243 с.

ОФУЯ 1974 – Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М.: Наука, 1974. 484 с.

Серебренников Б. А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 300 с.

Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 391 с.

Серебренников Б. А. О некоторых отличительных признаках волгокамского языкового союза // Учен. зап. Башкир. ун-та. Вып. 50. Сер. филол. наук. № 20: Языковые контакты в Башкирии. Уфа, 1972. С. 7–17.

Чаидзе М. П. Видовая характеристика заимствованных глаголов в марийском языке // Всесоюзное совещание по вопросам финно-угорской филологии 26–30 июня 1961 г.: Тез. докл. Петрозаводск, 1961. С. 53–56.